

Н.Н. Никитина

Духовные искания русской культуры начала XX века

*Долад прочитан на международной
научно-творческой конференции
«Русская культура XX века и
антропософия Рудольфа Штейнера»,
проходившей с 25 по 30 мая 1995 мая в Москве.*

Рубеж XIX-XX вв. в духовной биографии России был периодом интенсивных религиозно-философских поисков смысла жизни. Определение пути общественного выбора естественно было сопряжено с осмыслением «исторической миссии» России, а соответственно и той духовной реальности, с которой она была связана.

Если в 1850 году министр народного просвещения Ширинский-Шахматов заявил, что «еще не доказано, что философия может быть полезной, а вред от нее возможен», и кафедры философии были закрыты, то после открытия их в 1860 году в период царствования Александра русская философская мысль быстро развивается и догоняет уровень европейского философского мышления. Фактически все направления европейской философии рубежа веков — неокантианство, имманентная философия, интуитивизм, позитивизм и пр. — нашли в России последователей и талантливых интерпретаторов.

В области религиозной философии безусловным авторитетом был Владимир Соловьев, хотя в начале указанного периода религиозная философия не была еще популярна, поворот к ней осуществился несколько позже. Пока же, в конце XIX века интеллигенция, жаждущая переустройства России на справедливых основаниях, увлекалась материалистически ориентированной социальной философией. Период увлечения социализмом и марксизмом прошли П.Струве, С.Булгаков, Н.Бердяев и другие русские мыслители. Размежевание в среде философски мыслящей интеллигенции происходило постепенно, по мере того, как революционная мысль все чаще сталкивалась с революционной практикой в бунтующей России, это во-первых. Проблема интеллигенции и народа, поставленная еще Достоевским, приобретала все более острый и болезненный характер. Во-вторых, размежевание происходило по мере все более глубокого проникновения в суть европейской философии, и сам дух мировоззрения XX века с его релятивизмом, иррационализмом, «иллюзионизмом» и глубоким трагизмом бытия человеческого в обезбоженном мире.

Тот удивительный духовный подъем, который пережила Россия на рубеже веков, не может быть истолкован только как результат свободного проникновения с Запада новых философских идей. Корни его кроются глубже, в смысло-жизненном интересе к этим идеям, в понимании чрезвычайной ответственности момента, который переживался Россией, в переживаемом каждым русским интеллигентом чувстве ответственности за выбор, который он совершает.

Сергей Николаевич Булгаков сказал: «Болезнь совести, эта удивительная болезнь определяет весь характер нашей культуры, и я думаю, всего нашего философского развития... Мы, русские, томимы постоянной метафизической и религиозной жадью, мы постоянно носимся то в той, то в другой форме с мировыми вопросами».

Русские мыслители, начиная с П.Струве увидели большую, даже с гносеологической точки зрения, сложность проблем нравственных, в частности, проблемы рациональной санкции нравственного поступка и показали тем самым действительную ограниченность мышления, ориентированного на традиционнорациональные методы постижения истины.

Важнейшим и основным фактом русской культуры того периода, были философские идеалистические искания. Новых мыслителей объединяло именно искание, а не готовая программа.

Наибольшее влияние на развитие русской философской мысли, так сложилось исторически, оказывала немецкая философская традиция. Общественное сознание России формировалось под очень глубоким влиянием Гете и Шиллера, Гегеля и Канта, Шеллинга и Шлегеля, а также других немецких мыслителей. Не одно поколение русской молодежи именно из Германии, бесспорно лидирующей и в мире философском, привозило «учености плоды».

Трансцендентальные идеалисты, наследники Канта, вышедшие из него же позитивисты и имманенты во главе с В.Шуппе объявляли сущее фикцией. Торжествует «иллюзионизм». Все в философии сводится к идеям и категориям, за которыми — пустота.

Среди релятивизма того времени возвышалась и поражала одинокая индивидуальность Ницше своими воистину славянскими религиозно-метафизическими исканиями. Ницше действительно в этот период становится фигурой, вокруг которой бушуют философские страсти в России, концентрируются споры и переживания. Выход в бытие, за пределы «чистого опыта» с точки зрения новых русских метафизиков возможен на путях религиозной философии. И здесь мощнейшей фигурой, инициировавшей развитие философской мысли становится Ф.М.Достоевский, как продолжатель отечественной духовной традиции. — «Пушкин, Гоголь, тоска по смыслу жизни ... в этом наше главное отличие от мещан Европы, похоронившей под пластами буржуазной положительности веру в смысл жизни и искания Бога.» Проблему нравственного и рационального Достоевский видит как проблему Христа и истинного добра. Потрясающие по силе видения глубин человеческого духа, в котором живет та самая «тоска по смыслу жизни», трагическая подлинность, существующая вопреки и вне мира опыта «имманентного разуму», выводило русскую религиозно-философскую мысль на иные просторы. Новая метафизика была открытием действительно новых истин в человеке-творящем, но несущем в себе Бога. Иной путь в реальность указан был еще Гете, который считал, что, как бы оригинально и искусственно не выглядело творение ума и рук человеческих, оно, как и сам разумный человек, лишь часть того великого целого, которое называется природой. Человек есть мельчайшая частица космоса, но в ней, как в капле воды, отражается мировое бытие. Как

натянутая струна звучит он в унисон великому целому, отражая волнение космических стихий.

Эта традиция философского мышления проникает в Россию вместе с учение ставшего популярным среди мыслителей и художников начала века Рудольфа Штайнера. Этот период назван в нашей культуре «Русским Ренессансом» и «серебряным веком».

Понятие «серебряный век» не стало научным термином, оно - скорее мифологический образ. Сами участники этого расцветшего, но загубленного ренессанса сознавали, что живут в пору культурного и духовного возрождения или, по крайней мере, решительного обновления. Контраст между «серебряным веком» и предыдущим безвременьем — разителен. Еще разительнее контраст и даже враждебнее между «серебряным веком» и тем, что наступило после него.

Иногда говорят, что «серебряный век» — является западническим. Действительно, своими ориентирами он временно брал эстетизм Оскара Уайльда, индивидуалистический спиритуализм Альфреда де Виньи, пессимизм Шопенгауэра, концепцию сверхчеловека Ницше и др. Велик был интерес и к творениям западных духовидцев — Экхарта, Франциска Ассизского, Якоба Беме, Сведенборга и др. Русский ренессанс хотел увидеть все стороны света и заглянуть во все века, т.е. как бы вновь прорубить окно в Европу». Характерна сама «география» художественно-философских интересов деятелей культуры начала века: А.Белый — Египет, Гумилев — Абиссиния, Бальмонт — Мексика, Бунин — Индия. А.Белый в ранней юности читает упанишады, позднее отдается антропософии. Брюсов и Гумилев изучают трактаты европейских оккультистов. Волошин интересуется теософией, затем антропософией и Бхагават-Гитой. Вяч.Иванова влекут самого разного рода эзотерические знания. Бальмонт увлекается то Зенд-Авестой, то Лао- цзы, то индуизмом, то буддизмом, то русским сектанством. Игорь Северянин получает творческий импульс от теософии Блаватской.

Вместе с тем начало XX века — это возвращение к своей родной почве, открытие русских национальных традиций и художественного наследия недавнего прошлого. Глубок интерес к своим собственным корням: славянской древности и русской старине, славянской мифологии и русскому фольклору. Стравинский, Кустодиев, Нестеров, Бальмонт, Белый, Васнецов, Блок — список имен деятелей русской культуры, ориентированных на русскую национальную традицию, может быть продолжен.

В этой связи необходимо рассмотреть один из самых существенных вопросов взаимосвязи русской философской мысли и штайнеровских идей: почему именно на российской почве штайнеровские концепции духовного самоопределения человека дали столь сильные всходы? Существует также еще один немаловажный аспект — философские прозрения Р.Штайнера в России нашли отражение и развитие скорее не на рефлексивном уровне, а в тонкой материи самого искусства.

Ответы на эти вопросы следует, по нашему мнению, искать в особенностях бытования философии в русской духовной традиции. Как известно, помимо собственно философско-теоретического уровня (давшего мыслителей «серебряного

века») в России особой философичностью было отмечено само художественное творчество.

Особенно интенсивной становится эта философичность художественной культуры на рубеже веков. И прежде всего следует вести речь о русской поэзии. Поэты- символисты чувствовали, что летит в бездну. Поэты этого времени были апокалиптиками, мистиками. В России выработалась эсхатологическая душевная структура, обращенная к концу, открытая для грядущего, предчувствующая катастрофы, выработалась особая мистическая чувствительность.

В первое десятилетие XX в. мучительно и страстно звучит в русской философии и поэзии тема кризиса человечности, поиска основ духовности.

В своем предисловии к поэме «Возмездие» А. Блок писал, о том, что «... мировой водоворот засасывает в свою воронку почти всего человека; от личности почти вовсе не остается следа. Сама она, если остается еще существовать, становится неузнаваемой, обезображенной, искалеченной.» (А. Блок, Соч. в 2-х томах, т.1, М., 1955, с. 479).

Что же делать? Этот вопрос звучал не только у Блока. Однако русский символизм искал ответ на него не столько в пределах конкретного социума, сколько формировал во многом близкое штайнеровскому «духопознанию» космическое понимание антропософских проблем. «Мы еще дети и не знаем сроков, — писал А.Блок, — только читаем их по звездам; но, однако, читаем уже, что близится время, когда границы сотрутся и родиной станет вся земля, а потом и не одна земля, а бесконечная вселенная...» (А.Блок «Ответ Мережковскому»). Блок здесь предлагает неожиданный образ: художники играют роль «тончайших и главнейших» органов чувств вселенной, особенно в те критические периоды, когда Родина «больна и безумна». Человечество ведомое художниками, — полагал Блок — должно принять участие в «освобождении плененной Хаосом Царевны — Мировой и своей души», ибо наши души — причастны Мировой.

Если характеризовать духовную ситуацию в Европе, сложившуюся на рубеже XX века и особенно рельефно проявившуюся в России, то нельзя не вспомнить глубокий анализ кризиса гуманизма, данный А.Блоком. В своем эссе «Крушение гуманизма» он отмечал, что лицо Шиллера — это «последнее спокойное, уравновешенное лицо, какое мы вспоминаем в Европе.» (Там же, т.2, с. 312). Поэт пишет о том, что утратилось равновесие между человеком и природой, между жизнью и искусством, между наукой и музыкой, между Цивилизацией и культурой, т.е. то самое равновесие, которое определило суть европейского гуманизма. Вслед за Шопенгауэром и Ницше А. Блок, а вместе с ним весь русский символизм видит спасение человечества от деформаций цивилизации в «артизации действительности, в проникновении художественного начала (подлинно-естественного, гармонически-мистического) в духовный мир человека. А.Блок полагал, что только «человек-артист» будет способен «жадно жить и действовать» в эпохе вихрей и бурь, в которую неудержимо устремилось человечество. На этой почве и возникает родство русской духовной традиции начала XX в. и особого духопознания Р. Штайнера творящей космической природе человека.

В русском художественном и философском сознании начала XX в. отчетливо прозвучала мысль, выраженная А. Белым: философия нашего времени — это философия самосознающей души, т.е. души, причастной творчеству, теургическому преображению.